

Джангужин Р. Встреча с Вологдой / Р. Джангужин // Север. — 1980. — №4. — С. 125-126.

ВСТРЕЧА С ВОЛОГДОЙ

ПРИЗНАТЬСЯ, я до сих пор спрашиваю себя, могу ли я писать о книге Виктора Коротаяева*, не бывав на Вологодчине, не ощутив запаха, вкуса и цвета того, что дорого автору? Могу ли я, горожанин, выросший в Алма-Ате, судить с достаточной основательностью о том, насколько верно и точно воспроизведены писателем события и жизнь людей, мне незнакомых? И отвечаю себе: могу, потому что писатель — не ученый-этнограф, и в творчестве его есть нечто большее, нежели простая сумма сведений о жизни и характере тех людей, с кем делит он не только хлеб, радости и горе, но судьбу свою.

Начал я с рассказов и был пленен неподдельной и прозрачной красотой их. Виктор Коротаяев чутко вслушивается и вглядывается во все, что окружает его, — природу, людей. И, не приукрашивая и не выправляя, возводит эту жизнь в художественное явление. Но, может быть, не так. Лучше будет сказать, что писатель видит и ощущает художественную красоту в быте и в отношениях между людьми. Наверное, это не так просто — сквозь призму субъективных чувств и переживаний вырваться на просторы вселенской человеческой судьбы, и умение это приходит лишь тогда, когда с каждой изгой, с тучей над родной землей чувствуешь «самую жгучую, самую смертную связь», и это чувство связи с родиной, близкое и понятное любому, объединяет тебя со всеми людьми.

Я не хочу сейчас говорить обо всех рассказах сборника. Скажу лишь о двух, в которых чувство преданности писателя своей родине звучит наиболее выразительно и сильно.

Оба рассказа — о пожилой женщине, прожившей долгую и трудную жизнь. В обоих рассказах писатель показывает как бы два варианта одной судьбы. Первый — «На молоко» — о неутомимой в своих многочисленных заботах Катерине Вячеславовне, которая возвращается в родные места после неладной своей жизни у взрослых детей, занятых своими делами и неласковых к матери. Катерина Вячеславовна приходит в дом к старинной своей товарке Крестихе, чтобы испробовать последнее средство, могущее спасти ее от наступившей слепоты, — ягоду чернику и парное молоко. Ослепшая старушка бредет, не видя, но каким-то глубинным чутьем угадывая направление своего пути по

исхоженной с детства земле. «Крестиха не мешала товарке ни словом, только про себя дивилась: «Не может же она с того времени упомнить каждого кустика, а переходит ладно. Вот и поди...». А Катерина Вячеславовна брала чернику и все будто вглядывалась, вглядывалась под самое солнце, где синела даль и кружил ленивый ястреб, и вдруг улыбнулась. Слово и вправду что-то увидела такое, что скрыто от обычного глаза».

У нас, на Востоке, есть выражение: «видеть глазами души». Именно так нужно читать прозу Виктора Коротаяева и не в строках текста искать сладкие ягоды поэтического звучания ее, а в невидимых, но бесспорных, сопряжениях слов, строк, в глубинном их смысле, что и составляет музыку поэтических сказов писателя.

Видимо, вполне осознанно в другом рассказе — «На свидание» — Виктор Коротаяев вновь возвращается к своей героине, сохранившей в себе преданную любовь к усыхающему ручейку былой жизни.

Чужа приближение смерти, Катерина Вячеславовна испытывает необходимость «съездить в последний раз на родину, очистить душу на могиле мужа». Со слезами и упреками подступает она к дочери, и та отпускает с ней внука. В долгом разговоре с мужем, которого она, как живого, нежно зовет Санушко, Катерина Вячеславовна изливает тихую свою грусть. Но здесь не просто печаль одинокого человека, а душевное очищение. Писатель размышляет об этом с глубоким пониманием душевного состояния своей героини: «Наверное, за семь минувших лет она впервые выговаривалась так свободно. Кроме этой могилы, у нее, видно, уже никого не было в людном мире, кто бы захотел, не перебивая и не тяготясь, выслушать ее до конца. Пусть не понять даже... Понять ее теперь было, может, и трудно: слишком долгую и кропотливую жизнь прожила она, и представления ее об этой жизни часто не совпадали с принятыми; она словно перешагнула невидимую грань, которая делит людей на тех, для кого пока не существует смерти, и тех, кто давно живет ее предчувствием».

Так пишет Виктор Коротаяев, но лукавит при этом. Ибо не о смерти же и не о прощании с жизнью зател он свой рассказ, но о безграничной любви к жизни. Он выводит героиню на границу со смертью, словно восходит с ней на пригорок, с которого далеко окрест видны ему до боли родные пейзажи миллой Вологодчины, и мягким, проникновенным голосом говорит о ней.

* В. Коротаяев. На свидание. Повесть и рассказы. Послел. В. Белова. М., «Молодая гвардия», 1978.

Несколько слов о повести «Золотое донышко». Герои повести, на этот раз молодые практиканты, будущие школьные учителя Миша Колябин и Коля Силкин, добиваются в деканате, чтобы их послали «хоть в самое далекое место, только вместе». И вот первые дни учительства в отдаленной деревушке Заполье. Уже на пути к месту практики, в районном центре Никольске, появляется первая запись в дневнике, который ведет Миша: «Итак, мы в Никольске. Это и есть родина известного нашего поэта Александра Яшина. Раньше мне казалось, что знаменитые люди рождаются только в столицах, в пышных особняках, при ярком блеске зажженных огней и чуть ли не в белых манишках с бриллиантовыми булавками. Оказывается, нет. Вот здесь, среди бесконечных болот и лесов, возле широкой и чистой, но почти безвестной речки Юг поэтическая молния вошла в сердце простому деревенскому парнишке...»

Вот так, просто и естественно, приходит понимание того, что есть действительные ценности. И дело не в наивности первоначальных представлений и не в пышно-речии, которое прорывается порой у юноши, а в душевном прозрении, которое возникает в нем под воздействием тихих красот родной природы и дивной музыки в словах людей, здесь живущих. Миша делает пока еще только первые свои самостоятельные шаги в жизни. Непрестанно анализирует он каждый свой поступок, каждую мысль, и возникший в нем огонек надежды стать человеком подлинной души медленно разгорается...

Приведу еще один фрагмент из дневника Миши, где он размышляет о хозяйке дома, в котором остановился, о Марфе Никандровне: «Но как она умеет говорить! Я давно не жил в деревне подолгу, и мне радостно слышать полузабытый, настоящий язык. Я даже ребят не поправляю, когда они в сочинениях используют диалектизмы...» Миша ощущает глубинную красоту этих самых диалектизмов и арха-

измов и правильно поступает, что не пытается выкорчевать их из речи ребятишек. Ведь в слове, как ни в чем другом, скрыты таинства и сокровенная душа народной. Диалектизмы и архаизмы — как те две сосны из одного рассказа сборника: вроде бы и пользы от них нет никакой, стоят себе и шелестят только. Но загнули одну — и не хватает уже чего-то важного и главного, без чего нет в природе привычного покоя и завершенности. Так и со словами. Вроде бы и неуклюжие и устаревшие, а произносить их — словно петь старинную песню, в коей все вроде бы не о том, что вокруг тебя, но на деле — о тебе самом...

Зорек глас писателя, и умело обращается писатель с пером, но не в этом, на мой взгляд, главное достоинство прозы Виктора Кортаева. Много важнее то, что исходит свет поэтического озарения от автора — человека со своей нравственной, духовной установкой. Именно благодаря этому слово и жизненный факт возводятся из реальности номинальной в реальность более высокого порядка. Потому и удается из массы скоротечных и обрывочных эпизодов жизни выделить непреходящее и облечь ее в художественные формы.

Конечно же, можно было бы быть строже к писателю. Ведь и изъянов в прозе его немало. Но не в них суть. Мне же хотелось поделиться чувством своим, возникшим после чтения сборника, благодаря которым далекая Вологодчина стала ближе мне и родней. И не только Вологодчина, но и своя родина. Я — казах. А потему люблю беззаветно степи свои и горы. Но если, как писал Александр Яшин, —

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край другой —
На родину мою.

Рустем 'ДЖАНГУЖИН'

„ШТЫК И ПЕРО, ВОЙНА И МИР...“

ОН ВЫХОДИТ на рубеж, этот солдат.
На дымный и развороченный снарядами рубеж войны.

И распрямившейся
Пружиной,
Так,
Что быстрее и нельзя,
С врагом схватились,—
Двужильны,—
Штыком и пулею разя.

По нему, по солдату, бьют фашистские батареи, на него, на солдата, идут фашистские «тигры», а он — молодой и упрямый, — проходит сквозь все испытания.

Потому что его нельзя губить, потому что он — сын и защитник Родины. За ним и сила Родины, и ее нежность. Потому и стоит он насмерть, что дороги ему и поля Родины, и ее дома. И каждый товарищ, стоящий с ним в строю, близок ему. Острота переживаний, горечь утраты особенно ярко высвечивается в одном из первых стихотворений сборника: «Снег жесткий. Февральский». Здесь на конкретном, творчески воссозданном факте убедительно показана вся нелепость войны, смерти, убийства.

Снег жесткий. Февральский.
Колочий.

Чуть выглянул пасмурно день,
Упала девчонка беззвучно,
В шинели чуть ниже колен...